

А.А. Ходырев

ПРАВОВОЙ СТАТУС БРИТАНСКИХ ПУБЛИЧНЫХ КОРПОРАЦИЙ В ЭПОХУ «НЕПРОЗРАЧНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА»

Аннотация. В статье рассмотрены организационно-правовые формы взаимодействия органов исполнительной власти Великобритании с «гражданским обществом» и, особенно, с частным сектором национальной экономики. Подробно анализируются различия между такими формами указанного взаимодействия, как публичная корпорация (*public corporation*) и публичное агентство (*public authority*). Однако центр тяжести статьи сосредоточен на анализе института QUANGO. Делается вывод о том, возникновение и укоренение института QUANGO в системе британской исполнительной власти отвечает, прежде всего, интересам британского истеблишмента. Интересы гражданского общества играют здесь лишь второстепенную роль.

Ключевые слова: публичная корпорация, публичное агентство, QUANGO, орган исполнительной власти, административный орган, гражданское общество, политическая ответственность, административно-правовая ответственность.

Исторически исходной организационно-правовой формой для взаимодействия публичного и частного сектора в Великобритании является публичная корпорация (*public corporation*) или публичное агентство (*public authority*). Здесь следует сразу указать на предлог «для», так как публичная корпорация как таковая не может быть гибридной (публично-частной) формой указанного взаимодействия уже по определению. Тем не менее, форма публичной корпорации важна для понимания специфики такого взаимодействия, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, если абстрагироваться от *societas*, существовавших ещё во времена Римской империи, то первые корпорации как юридические лица являются продуктом эпохи меркантилизма. В меркантилистском же государстве эпохи Позднего Средневековья, любая хозяйственная и, особенно, коммерческая деятельность находилась под жестким контролем королевской власти. Только король мог учреждать корпоративные единицы — будь то Ост-индская компания¹ или Кембриджский университет².

Во-вторых, публичная корпорация послужила прообразом «от противного» для создания уже в эпоху капитализма т.н. публичных компаний, или — в современной терминологии — акционерных компаний. Пу-

бличная корпорация обычно учреждается специально для реализации определенной публичной потребности (например, для обслуживания большого морского порта), причем эта потребность носит сингулярный, консолидированный («тотальный») характер. Что касается публичных, или акционерных компаний, то они обычно создаются для «достижения прибыли» любыми дозволенными законодательством способами. Другими словами, цели публичных, или акционерных компаний в принципе многолики, изменчивы и непостоянны.

В современную эпоху под «публичной корпорацией» в Великобритании понимают разновидность «публичного агентства» в широком смысле (*public authority in a wider sense*). Публичное агентство учреждается центральным, региональным или местным органом государственной власти для реализации определенной публичной потребности. Отличие публичного агентства в широком смысле от публичного агентства в узком смысле (=органа публичной власти) заключается в том, что второе является частью публичной администрации, в то время как первое находится за её рамками, т.е. не управляется непосредственно государственными чиновниками (*civil servants*)³. Публичная власть является только *учредителем* публичного агентства в широком смысле, его *менеджеры* и подчиненный им штат сотрудников не входят в систему публичной власти. Они не являются чиновниками.

Отличие публичного агентства в широком смысле от публичной корпорации заключается в том, что публичная корпорация по определению получает дополнительный признак, а именно персональное член-

¹ См. Chaudhuri, K.N. *The English East India Company: The Study of an Early Joint-Stock Company, 1600–1640*. London: Cass. 1965; Chaudhuri, K.N. *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 1978; Robins N. *The Corporation that Changed the World: How the East India Company Shaped the Modern Multinational*. London: Pluto Press. 2006;

² См. Hackett M.B. *The original statutes of Cambridge University: the text and its history*. Cambridge University Press. 1970.

³ См.: Theakston K. *The Civil Service since 1945*. Institute of Contemporary British History, 1995.

ство. Так, Кембриджский университет корректнее определить как публичную корпорацию, поскольку в неё входят профессора, студенты и прочие сотрудники университета. Напротив, Лондонский порт является публичным агентством, так как функционирование Лондонского порта *юридически* никак не зависит от состава и структуры лиц, нанятых на работу или службу в Лондонский порт.

Особое значение для целей настоящего исследования имеет категория т.н. *публичной сервисной корпорации* (public benefit corporation). Этот термин, с одной стороны, объединяет в единый класс и публичную корпорацию, и публичное агентство в широком смысле. Так, оба рассмотренных примера (Кембриджский университет и Лондонский порт) попадают под категорию «публичная сервисная корпорация» (далее везде — ПСК), поскольку университет предоставляет образовательные услуги и ведёт научно — исследовательские изыскания в публичных целях, а порт предоставляет соответствующим юридическим лицам транспортные и логистические услуги.

С другой стороны, категория «ПСК» отграничивает данный вид корпорации, как от т.н. публичных, или акционерных компаний (public, or joint-stock companies), так и от частных компаний (private companies). Если ПСК по определению является юридическим лицом публичного права, то публичная компания в современную эпоху — несмотря на двусмысленность её наименования — является юридическим лицом частного права.

В этом смысле публичная (акционерная) компания не отличается от частной компании (private company). Отличие между публичной компанией и частной компанией заключается лишь в том, что последняя в отличие от первой не может предлагать на продажу «публике», т.е. всем заинтересованным лицам, доли от своего имущества (акции). Двусмысленность терминологии можно объяснить историческими причинами, так как система общего права по определению первоначально было неизвестно «романо-германское» деление правопорядка на публичное право и частное право⁴. Такое разграничение закрепилось в странах англо-американской традиции лишь в конце XIX — начале XX вв.

ПСК обычно управляется советом директоров, что организационно приближает её к структуре управления частных компаний. Однако в отличие от последних, директора ПСК не избираются, а назначаются руководством профильных министерств и департаментов, с которыми данная ПСК аффилирована. Это по структуре уже напоминает стандартную бюрократическую орга-

низацию. Публичный учредитель ПСК одновременно является и её собственником, поскольку единственной причиной создания ПСК является оказание определенной специализированной публичной услуги.

В странах англо-американской правовой семьи ПСК нередко преследуют такие же цели и осуществляют такие же функции, которые присущи *некоммерческим организациям* в частном секторе национального хозяйства. В частности, организационно-правовая форма ПСК нередко применяется в жестко регулируемых отраслях, таких как телерадиовещание и, особенно, транспорт.

Окончательная легализация термина «ПСК» в Великобритании произошла сравнительно недавно, а именно в рамках модернизации и стандартизации национальной системы здравоохранения⁵. В результате принятия Британским парламентом в 2003 г. Акта о здравоохранении и социальном обеспечении появились специализированные «трасты» (=NHS Foundation Trusts), которые в отличие от трастов в частном секторе повсеместно учреждались в виде ПСК.

Приложение Первое Акта о здравоохранении и социальном обеспечении 2003 г. устанавливает унифицированные требования к ПСК в сфере национального здравоохранения. В частности, такие ПСК учреждаются на принципе территориального и профессионального членства, т.е. членами являются все жители определенного округа, а также все сотрудники данной ПСК. Возглавляется ПСК советом управляющих, некоторые из которых избираются членами ПСК.

В эпоху тэтчеризма, т.е. в рамках широкомасштабной приватизации государственного сектора британской экономики,⁶ некоторые ПСК создавались *ad hoc*, например, посредством реорганизации профильных частных компаний. Как выглядела данная процедура можно проследить на конкретном примере приватизации британского водного хозяйства⁷. Сначала, а именно в 1987 г. был принят новый водный закон⁸, который выполнил функцию временного нормативно-правового акта и в 1991 г. был заменён законом о водной промышленности⁹.

Затем, специализированные компании, которые были отобраны в качестве новых предприятий водоснабжения и канализации, должны были взять на себя весьма

⁵ См.: Health and Social Care (Community Health and Standards) Act 2003.

⁶ См.: Jackson B. and Saunders R. (eds.) Making Thatcher's Britain. Oxford University Press. 2012.

⁷ См.: Hawke N., Parworth N. Introduction to Administrative Law. London/Sydney: Cavendish Publ. 1998. P.86.

⁸ См.: The Water Act 1987.

⁹ См.: The Water Industry Act 1991.

⁴ См.: Loughlin M. Public Law and Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1992.

жесткие обязательства, особенно, в части предельного потолка тарифов и качества обслуживания. Наконец, в виду исключительной важности предоставляемых услуг указанным компаниям были предоставлены определенные правительственные гарантии против банкротства. Для этой цели были внесены соответствующие новеллы в законодательство о банкротстве¹⁰.

От ПСК следует отличать другие аффилированные с правительственными департаментами управленческие структуры, которые получили название т.н. *исполнительных агентств «пошаговой близости»* ('Next Step' executive agencies). Интересна, прежде всего, история появления таких исполнительных агентств «пошаговой близости» (далее везде — ИАПБ). Организационно-правовая форма ИАПБ понадобилась британскому правительству, не для того, чтобы разгрузить государство от несвойственной ему функции «предпринимателя — производственника», а для того, чтобы разгрузить административный аппарат от всё возрастающего пресса социальных задач и различных контрольных функций. Другими словами, ИАПБ очень напоминают структуры «невидимого государства» в перспективе Диего Валадеса¹¹.

Итак, денационализацию государственного сектора британской экономики в конце прошлого века необходимо отличать от реформы государственной службы (civil service), которая проводилась под флагом её рационализации, что предполагало также и реорганизации правительственных департаментов. Основная цель рационализации системы публичного управления заключалась в том, чтобы обеспечить «разделение (в широком смысле) предоставления услуг (service provision) и разработки планов мероприятий правительства (policy-making)»¹².

Термин «исполнительное агентство пошаговой близости» пришёл на смену аббревиатуре «QUANGO», которая имеет сразу две плохо совместимые расфировки — квази-автономная *неправительственная* организация (Quasi-Autonomous Non-Governmental Organization) и квази-автономная *национальная правительственная* организация (Quasi-Autonomous National Government Organization). Как бы то ни было, в этом противоречии и кроется вся специфика QUANGO, поскольку название «как бы неправительственная организация» указывает на присущую QUANGO мимикрию: с одной стороны, формальная независимость и самостоятельность управленческой политики, с другой сторо-

ны, кадровый контроль со стороны соответствующего профильного министра. Итак, QUANGO — это неправительственная организация *напоказ*, которая, однако, создана исключительно для того, чтобы осуществлять управленческие функции часто при финансовой поддержке правительства¹³.

Многие британские административисты признают, что главной причиной появления QUANGO является совмещение двух противоречивых стратегий в политике британской исполнительной власти любого политического спектра. С одной стороны, QUANGO, как ни странно, воплощают стремление т.н. *административного государства* «уйти в тень» дискреционных полномочий исполнительной власти, где она не подлежит ответственности ни перед парламентом, ни перед избирателями. Ни много, ни мало, речь идёт о реанимации того элемента полицейского государства XIX в., который вошёл в историю под названием «неответственное министерство», т.е. министерство (например, в структуре исполнительной власти дуалистической монархии), неответственное перед депутатами парламента.

С другой стороны, QUANGO рекламируются органами исполнительной власти как инструмент «разделения рисков» принятия управленческих решений между профильным министром и «менеджером» соответствующего QUANGO, что преподносится как необходимая политико-административная мера в эпоху неуклонного усложнения социально-экономических задач правительства. Соответственно, между профильным министром и руководителем аффилированного QUANGO должна быть разграничена и политическая ответственность, прежде всего, перед парламентской оппозицией.

Вот одно из авторитетных свидетельств: «Весь смысл этих агентств в том, что они запрограммированы функционировать с существенной независимостью от министров так, чтобы ими можно было управлять по принципам бизнес-менеджмента и при этом освободить их от политического вмешательства. Дополнительно присутствует идея о том, что чёткая демаркация ответственности между министрами и главными управляющим (этих агентств — А.Х.) делает институт ответственности более сильным и более прозрачным»¹⁴.

С юридической точки зрения QUANGO интересны также тем, что в отличие от ПСК они, как правило, лишены статуса юридического лица, отличного

¹⁰ См.: The Insolvency Act 1986

¹¹ См.: Валадес Д. Контроль над властью. (пер. с исп. А. Автономова и В. Гайдамака) М.: Идея-Пресс, 2006.

¹² Hawke N., Parworth N. Introduction to Administrative Law. London/Sydney: Cavendish Publ. 1998. P. 87.

¹³ См.: Wettenhall R. 'The quango phenomenon', Current Affairs Bulletin 57(10). 1981. p. 14-22.

¹⁴ Fenwick H., Phillipson G. Constitutional and Administrative Law. London/Sydney: Cavendish Publ, 2003. p. 183.

от статуса «родительского министерства». Другими словами, QUANGO обычно не имеют *собственного* легального статуса. Данное обстоятельство, т.е. неискоспособность QUANGO, оказывается очень выгодным в другом отношении, так как обеспечивает *двойной* судебный иммунитет и главному менеджеру» QUANGO, и, тем более, соответствующему профильному министру¹⁵.

С конца 90х гг. прошлого века организационно-правовая форма взаимодействия британского государства и гражданского общества под названием «QUANGO» стала предметом жёсткой критики и ожесточённых дебатов, как среди общественных деятелей, так и среди профессиональных юристов. «Выражалась озабоченность по поводу их (QUANGO — А.Х.) подотчетности, демократичности, репрезентативности (diversity) их членов, независимости, случаев патронажа и т.п.»¹⁶.

В настоящее время сам термин «QUANGO» ассоциируется с коррупцией и превышением полномочий и даже стал предметом насмешек и сарказма со стороны общественности. Так, в середине 80х гг. прошлого века, т.е. в правление Маргарет Тэтчер, государственному служащему сэру Лео Плиатски было поручено подготовить для правительства доклад об эффективности тогдашних QUANGO¹⁷. Как оказалось, руководители большинства департаментов выражали явное недовольство по поводу того, что аффилированные с их департаментами управленческие структуры, просто попали в список под названием «QUANGO». Руководители департаментов указывали на то, что термин «QUANGO» бросает тень на работу многих волонтеров, честно и бескорыстно работающих в аффилированных структурах соответствующего департамента.

В самом деле, одна из самых сложных проблем QUANGO заключается в том, что данный термин применяется как к очевидно одиозным структурам в «пошаговой близости» от правительства вроде Яичного агентства (см. ниже), так и в отношении уважаемых учреждений, предоставляющих бесспорно ценные публичные услуги вроде Британского музея. Более того, среди QUANGO можно встретить консультативные учреждения с символическим бюджетом, которые проводят уникальные экспертно-аналитические изыскания и поэтому почти не отличаются от благотворительных организаций. Таким образом, настороженность министров по отношению к термину QUANGO можно объяснить тем, что далеко не все учреждения

«пошаговой близости» от правительства представляют собой образчики «квангократии».

Тем не менее, ко времени подготовки доклада сэра Лео, широкой общественности стало известно о существовании таких QUANGO, которые по роду своей деятельности могут соперничать с некоторыми зарисовками Джонатана Свифта. В частности, в эпоху правления Маргарет Тэтчер «притчей во языцех» стало производство и продажа куриных яиц в Великобритании. Сначала был ликвидирован т.н. Британский комитет маркетинга яиц (British Egg Marketing Board). Основанием для этого решения послужила прямо-таки свифтовская рекламная кампания этого комитета — «иди на работу на яйце!» (Go to work on an egg).

За этой рекламой кроется в высшей степени дискуссионная мысль, что *одного* куриного яйца достаточно, чтобы британский среднестатистический работник был обеспечен протеином на весь рабочий день или, по крайней мере, вплоть до перерыва на ланч. Но самое интригующее для британского налогоплательщика заключалось даже не в этой рекламе, а в том, как вообще могла возникнуть управленческая структура, *единственная* функция которой заключалась в рекламировании яиц и изучении рынка яиц, и всё это на средства государственного бюджета!

После этого рекламного скандала Британский комитет маркетинга яиц был ликвидирован. Однако оказалось, что ликвидация носила формальный характер. Вскоре, появилось новое QUANGO под названием «Яичное агентство» (Eggs Authority). Годовой бюджет Яичного агентства к моменту доклада сэра Лео составлял 3 миллиона фунтов стерлингов¹⁸. Источником этих средств в основном были сборы, налагаемые на британских производителей указанной продукции.

Однако было непонятно, на что конкретно — кроме денежного содержания сотрудников Яичного агентства — шли эти деньги. После некоторых сомнений Маргарет Тэтчер всё же решила в 1986 г. на ликвидацию бесполезного и непрозрачного Яичного агентства. Но поскольку свифтовская идея «изучения маркетинга куриных яиц» уже стала бессмертной, а «свято место пусто не бывает», то яично-маркетинговый вакуум вскоре был занят Британским Советом яичной промышленности (British Egg Industry Council).

Как видим, термин «QUANGO» в глазах британской общественности был дискредитирован еще в правление Маргарет Тэтчер. Ему на смену в кулуарах исполнительной власти был подготовлен менее уязвимый термин «*недепартаментский публичный орган*» (non-departmental public body=NDPB). С 1997 г. суще-

¹⁵ Hawke N., Parworth N. Introduction to Administrative Law. London/Sydney: Cavendish Publ, 1998. P. 90.

¹⁶ Macleavy J., Gay O. The Quango Debate. London: House of Commons. Research Paper 05/30. 11.04.05. P. 3.

¹⁷ <http://www.bbc.co.uk/news/mobile/uk-12020394>

¹⁸ См.: Pliatzky L. Quangos and Agencies // Public Administration. Dec. 1992. Vol. 70. Issue 4. P. 555-563.

стует официальное правительственное определение NDPB: «Структура, которая выполняет определённую роль в деятельности национального правительства, но не является правительственным департаментом или его частью и которая действует в той или иной степени на расстоянии вытянутой руки от министров»¹⁹.

Как бы то ни было, официальное правительственное определение не смогло вытеснить дискредитированный термин «QUANGO» даже в результате нескольких попыток сокращения количества агентств «в пошаговой близости от правительства». Политика сокращения QUANGO началась, как мы видели, еще в правление Маргарет Тэтчер. При этом действия правительства консерваторов не отличались последовательностью и объективностью.

Например, Тэтчер, как мы видели, решила ликвидацию Яичного агентства, но при этом «по политическим мотивам» сохранила другой образчик непрозрачности и бесполезности из списка сэра Лео, а именно т.н. Женскую национальную комиссию (Women's National Commission). При этом сэр Лео отмечает, что «премьер-министр осознавала, что большинство QUANGO дают очень мало пользы и обеспечивают счастьем лишь отдельные заинтересованные группы, но при этом, как она сказала, нет нужды огорчать чувства людей, если только ликвидация не даст явно позитивного эффекта...»²⁰.

В настоящее время, по мнению обозревателей BBC, родовая категория «QUANGO» объединяет три вида учреждений:

- 1) консультативные органы правительственных департаментов (advisory bodies),
- 2) надзорные органы защиты потребителей (consumer watchdogs) и
- 3) организации, предоставляющие публичные услуги (например, музеи, транспортные агентства и т.п.)²¹.

Из этих трёх категорий теоретически беспроблемным представляется ликвидация QUANGO первого вида, т.е. консультативных органов правительственных департаментов. Технически их достаточно легко интегрировать в структуру родительского департамента. Однако при этом неизбежно возникает проблема статуса штатных сотрудников такого интегрированного консультативного органа, ведь одной из главных причин создания консультативных QUANGO было как раз стремление сократить штат государственных служащих, перед которыми государство сохраняет бюджет-

ные обязательства и после их ухода с государственной службы.

Ликвидация QUANGO второго вида, т.е. надзорных органов защиты потребителей, представляется гораздо более проблематичным, что мы видели даже на примере одиозного Яичного агентства. Обычно подобная структура тут же возрождается под другим названием. Идеологическим оправданием такого «возрождения из пепла» является чтимый в Великобритании принцип «слабого государства» и, соответственно, «сильного гражданского общества»²².

QUANGO вроде Яичного агентства легко представить в качестве независимого защитника прав потребителей. То же обстоятельство, что вся защита сводится к «яичному мониторингу и рекламе отечественных яиц», можно объяснить необходимостью узкой специализации для того, чтобы обеспечить эффективность «мониторинга».

QUANGO третьего вида, т.е. организации, предоставляющие публичные услуги, являются наиболее защищенной категорией. В худшем случае им может грозить реорганизация. Перспектива их ликвидации может возникнуть лишь под давлением гражданского общества и только при наличии альтернативной — обычно рыночной — структуры, которая будет готова вступить в конкуренцию за право предоставлять ту же самую публичную услугу. Однако и здесь существуют сектора абсолютного иммунитета: невозможно представить, что какое-то учреждение станет оспаривать у Британского музея его многочисленные публичные функции.

Выводы: Как мы видели, ни публичная сервисная корпорация (ПСК) ни даже QUANGO не являются «самостоятельными игроками» хотя и по разным причинам. В этой связи неизбежно возникает вопрос: «почему бы правительству тогда не интегрировать соответствующую функцию в правительственный департамент?»²³. Ответ на этот совсем не риторический вопрос не может быть однозначным.

Пессимист (или реалист?) скажет, что правительство в эпоху государства всеобщего благоденствия просто «обленилось» и стало делегировать свои имманентные функции и полномочия (например, содержание пенитенциарных учреждений) различным аффилированным конторам. Дополнительным преимуществом такого делегирования является «неответственность профильного министра» за действия сотрудников таких аффилированных учреждений.

¹⁹ См.: Wettenhall R. 'The quango phenomenon', Current Affairs Bulletin 57(10). 1981. p. 14-22.

²⁰ <http://www.bbc.co.uk/news/mobile/uk-12020394>

²¹ <http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-19338344>

²² Butler E. Add consumer protection bodies to the bonfire of quangos. 6 August 2010 // <http://www.adamsmith.org/blog/regulation-and-industry/>

²³ Hawke N., Parworth N. Introduction to Administrative Law. London/Sydney: Cavendish Publ, 1998. P. 87.

Оптимист (или романтик?) скажет, что государственные чиновники просто осознали границы своих административных возможностей и уже не готовы в эпоху высоких технологий и комплексных задач брать на себя функции узких специалистов и разнообразных экспертов. Именно эти специалисты и эксперты в основном и сосредоточены в неправительственных организациях «в пошаговой близости к правительству». Такое разделение труда одновременно означает и разделение рисков. Отсюда, следует и разделение персональной ответственности между профильным мини-

стром и руководителем аффилированного неправительственного органа.

Если институт QUANGO как таковой в Великобритании никто уже не ставит под сомнение — речь идёт только о санации наличной номенклатуры QUANGO, то разумнее, на наш взгляд, придерживаться оптимистических аргументов. Очевидная слабость оптимистической оценки QUANGO заключается лишь в том, что оптимисты всерьёз верят в возможность строгой демаркации персональной ответственности между профильным министром, т.е. начальником, и руководителем QUANGO, т.е. подчинённым.

Библиографический список:

1. Валадес Д. Контроль над властью. (пер. с исп. А. Автономова и В. Гайдамака). М.: Идея-Пресс, 2006.
2. Butler E. Add consumer protection bodies to the bonfire of quangos. 6 August 2010 // <http://www.adamsmith.org/blog/regulation-and-industry>.
3. Chaudhuri, K.N. The English East India Company: The Study of an Early Joint-Stock Company, 1600–1640. London: Cass, 1965.
4. Chaudhuri, K.N. The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1978.
5. Fenwick H., Phillipson G. Constitutional and Administrative Law. London/Sydney: Cavendish Publ, 2003. P. 183.
6. Hackett M.B. The original statutes of Cambridge University: the text and its history. Cambridge University Press, 1970.
7. Hawke N., Parworth N. Introduction to Administrative Law. London/Sydney: Cavendish Publ, 1998.
8. Jackson B. and Saunders R. (eds.) *Making Thatcher's Britain*. Oxford University Press, 2012.
9. Loughlin M. Public Law and Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1992.
10. Robins N. The Corporation that Changed the World: How the East India Company Shaped the Modern Multinational. London: Pluto Press, 2006.
11. Macleavy J., Gay O. The Quango Debate. London: House of Commons. Research Paper 05/30. 11.04.05. P. 3.
12. Theakston K. The Civil Service since 1945. Institute of Contemporary British History, 1995.
13. Pliatzky L. Quangos and Agencies // *Public Administration*. Dec. 1992. Vol. 70. Issue 4. P. 555-563.
14. Wettenhall R. 'The quango phenomenon', *Current Affairs Bulletin* 57(10). 1981. P. 14-22.

References (transliteration):

1. Valades D. Kontrol' nad vlast'yu. (per. s isp. A. Avtonomova i V. Gaydamaka). M.: Ideya-Press, 2006.